

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)
Б65

Бисмарк, Отто фон.

Б65

Второй рейх. Не надо воевать с Россией : [перевод с немецкого] / Отто фон Бисмарк, Вильгельм II. — Москва : Родина, 2019. — 464 с.

ISBN 978-5-907149-02-1

Отто фон Бисмарк — одна из культовых личностей в мировой истории. «Железный канцлер» Пруссии, он создал Германскую империю (Второй рейх) и сумел упрочить ее положение в мире. Бисмарк прекрасно разбирался во внешней политике, хорошо знал состояние европейских государств и России (он долго жил в Петербурге, являясь послом Пруссии в нашей стране). В своей книге он рассказывает о том, как создавалась Германская империя, как изменилась после этого политическая карта Европы, какую роль сыграла при этом Россия.

Вильгельм II был императором Германии с 1888 по 1918 год. Свои воспоминания он начинает с рассказа о Бисмарке: автор пишет, почему Германия не вняла завету Бисмарка не воевать с русскими, какие обстоятельства привели ее к Первой мировой войне. По мнению Вильгельма II, крах трех империй (Германской, Российской и Австро-Венгерской) лишь осложнил обстановку на мировой арене как в политическом, так и в социальном плане.

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-907149-02-1

© Перевод с немецкого, 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

Отто фон Бисмарк, Вильгельм II

ВТОРОЙ РЕЙХ

НЕ НАДО ВОЕВАТЬ С РОССИЕЙ

Редактор *О. В. Селин*
Художник *Борух Шмуц*

Смотрите книжные новинки на сайте <https://Rodina-izdat.ru>

ООО «Издательство Родина»

Оптовая торговля:
ООО «Издательство Родина» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: Rodina-izdat.ru
Электронная почта: Rodina.pbl@gmail.com

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 14.01.2019.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-907149-02-1

9 785907 149021 >

СОДЕРЖАНИЕ

О. Бисмарк

ЧТО ЖДЕТ ЕВРОПУ И РОССИЮ?

Начало моей службы. Дело о приверженцах противоестественных пороков. Бракоразводные процессы. Чиновники и население	8
На поприще дипломатии. Крымская война. Союз с Австрией. План раздела России. «Завещание Петра Великого»	16
Николай I и его окружение. Князь Горчаков. Русские обычаи. Посещение Москвы	27
Восстание в Польше. Борьба мнений в Петербурге. Позиция России и германское будущее	47
«Пруссия трусит». Исправленная депеша. Война с Францией. Услуга для России. Неблагодарность Горчакова	59
Образование Германской империи. Интриги русских и французов	74
Тайное соглашение России с Австрией. Берлинский конгресс. Русские угрожают нам	84
Тройственный союз. Возможна ли война с Россией? «Всегда настороже!»	102
Будущая политика России. Об опасности иллюзий. Есть ли у России противоречия с Германией?	115

Императоры Вильгельм I, Фридрих III и Вильгельм II.	
Мои отношения с Вильгельмом II	125
Донесения из Петербурга. Были ли подлинными	
высказывания Александра III? Недовольство	
Вильгельма II возрастает. Моя отставка	172
Чего ждать от германской политики? Положение дел	
в Европе. Тревожные симптомы	191

Вильгельм II

ПОЧЕМУ МЫ ВОЕВАЛИ С РОССИЕЙ

Князь Бисмарк. Мое отношение к нему. Политика	
Бисмарка в мире и Европе	211
Канцлер Каприви — преемник Бисмарка. Расширение	
империи. Критика со стороны либералов	240
Князь Гогенлоэ. Противоречия с русскими в Китае.	
Позиция Англии и США. Визит к королеве Виктории .	244
Граф Бюлов. Смерть королевы Виктории. Предложение	
Чемберлена о союзе против России	272
Канцлер Бетман-Гольвег. Попытки договориться	
с Англией. Соперничество Черчилля и Грея.	
Свидание с русским царем	287
Германия перед войной. «Немецкая национальная идея».	
Отношение к церкви	319
Германские вооруженные силы. Адмирал Тирпиц.	
Строительство германского флота	349
Начало войны. Доказательства того, что Англия,	
Франция и Россия втайне готовили войну против	
Германии. Роль масонов в подготовке войны	366

«Немецкие зверства» во время войны. Подготовка	
к мирному договору. Папа и мир	378
Окончание войны. Роль русских большевиков	
в разжигании революции в Германии. Мое отречение	
от престола	388
Суд Антанты. Являться или не являться?	
Несправедливый Версальский мир	403
Вопрос о виновниках войны. Усиление Америки.	
Что стояло за «планом Вильсона»	411
Эпилог. Будущее Германии. Величие через	
национальное единство	437
Указатель имен	442

О. Бисмарк

ЧТО ЖДЕТ ЕВРОПУ И РОССИЮ?

**Начало моей службы. Дело о приверженцах
противоестественных пороков. Бракоразводные
процессы. Чиновники и население**

Школьное воспитание было поставлено у нас так, что после окончания школы, если я и не был республиканцем, то все же был убежден, что республика есть самая разумная форма государственного устройства; к этому присоединялись размышления о причинах, заставляющих миллионы людей длительно повиноваться *одному*, между тем как от взрослых мне приходилось слышать резкую и непочтительную критику правителей.

В то же время немецкое национальное чувство было во мне так сильно, что в первое время моего пребывания в университете я примкнул к студенческой корпорации, которая провозглашала своей целью заботу о развитии этого чувства. Однако при личном знакомстве с членами корпорации мне не понравилось их стремление избегать дуэлей и отсутствие у них внешней благовоспитанности и манер, принятых в обществе. Когда я узнал их еще ближе, то не мог одобрить и их экстравагантных политических взглядов; у меня сложилось впечатление, что утопизм сочетался у них с недостатком воспитанности.

В глубине души я тем не менее сохранял свои национальные чувства и веру в то, что развитие в близком будущем приведет нас к германскому единству; с моим другом, американцем Коффином я заключил пари, что эта цель будет достигнута не позже чем через двадцать лет. То, что я думал о внешней политике, было в духе освобо-

Бисмарк в начале политической карьеры

дительных войн, воспринятых под углом зрения прусского офицера.

В период, предшествовавший 1848 году, без связей в министерских и высших ведомственных кругах почти невозможно было рассчитывать на какое бы то ни было участие в прусской политике. Молодому чиновнику нужно было сначала пройти однообразный, измеряемый десятилетиями путь по ступеням бюрократической лестницы, пока, наконец, высшие инстанции могли обратить на него внимание и приблизить его к себе. Я же, насколько в моем возрасте вообще мог серьезно думать о служебной карьере, имел в виду дипломатическую деятельность. Для этого мне надо было выдержать прежде всего экзамен на правительственного асессора, а затем уже окольным путем, поработав в Таможенном союзе, искать доступа в дипломатию Пруссии.

Лица и порядки нашей юстиции, где началась моя деятельность, давали моему юношескому уму скорее критический, нежели назидательный материал. Практическое обучение начиналось с ведения протоколов уголовного суда. Советник фон-Брахич, к которому я был прикомандирован, поручал мне необычно много этой работы, так как я писал тогда исключительно быстро и четко.

Из «расследований», как назывались уголовные дела при тогдашнем порядке судопроизводства, на меня произвел особенно сильное впечатление процесс широко разветвленного в то время в Берлине общества приверженцев противоестественных пороков. Общество это имело сторонников и в высших кругах. Судебные акты, касавшиеся этого дела, были затребованы министерством юстиции, как говорили, по настоянию князя Витгенштейна и не были возвращены по крайней мере до тех пор, пока продолжалась моя деятельность в уголовном суде.

* * *

Проработав четыре месяца над составлением протоколов, я был переведен в городской суд, разбиравший гра-

жданские дела, и сразу же оказался вынужденным перейти от механического писания под диктовку к самостоятельной работе, выполнение которой затруднялось моей неопытностью и моими чувствами. Бракоразводные дела были вообще в то время первой стадией самостоятельной работы юриста-новичка. Дела этим придавалось, очевидно, наименьшее значение. Они были поручены самому неспособному советнику по фамилии Преториус и велись при нем совсем зелеными юнцами, которые производили, таким образом, *in согроге vili* [на второстепенном материале] свои первые эксперименты в роли судей, правда, под номинальной ответственностью господина Преториуса, но обычно в его отсутствие. Для характеристики этого господина нам, молодым людям, рассказывали, что, когда его во время заседаний приходилось выводить из состояния легкой дремоты для подачи голоса, он имел обыкновение говорить: «Я присоединяюсь к мнению моего коллеги Темпельгофа»; иной раз при этом ему надо было указывать, что господин Темпельгоф на заседании не присутствует.

Однажды мне пришлось обратиться к нему, так как я оказался в затруднительном положении: мне, в мои двадцать лет и несколько месяцев, предстояло сделать попытку к примирению возбужденной супружеской четы. Задача эта представлялась моему восприятию в своего рода церковном и нравственном ореоле, которому, как мне казалось, не вполне соответствовало мое душевное состояние. Я застал Преториуса в дурном настроении не вовремя разбуженного пожилого человека, разделявшего к тому же довольно распространенное среди старых бюрократов нерасположение к молодым дворянам.

«Досадно, — сказал он мне с пренебрежительной усмешкой, — когда человек до такой степени беспомощен. Я покажу вам, как это делается».

Я вернулся с ним в комнату присутствия. Дело сводилось к тому, что муж хотел развода, а жена — нет, муж обвинял ее в нарушении супружеской верности, а она, за-

ливаясь слезами, патетически клялась в своей невиновности и, невзирая на дурное обращение мужа, настаивала на том, чтобы остаться при нем.

Шепелявя, как это было ему свойственно, Преториус обратился к жене со словами: «Не будь дурой. Зачем тебе это? Придешь домой — муж избьет тебя так, что тебе не поздоровится. А скажи ты просто «да», и с пьяницей у тебя раз и навсегда покончено». — «Я честная женщина, не могу взять на себя позор, не хочу развода», — завопила женщина.

После неоднократного обмена репликами в том же тоне господин Преториус обратился ко мне со словами: «Она не хочет внять голосу благоразумия; пишите...», — и продиктовал мне заключение; оно произвело на меня столь сильное впечатление, что я и сейчас помню его от слова до слова: «После того как была сделана попытка к примирению сторон и все убеждения, основанные на доводах нравственности и религии, остались безуспешными, было решено, как ниже следует».

Мой начальник поднялся со словами: «Запомните, как это делается, и впредь не беспокойте меня подобными вещами». Я проводил его до дверей и продолжал разбирательство.

Мой стаж по бракоразводным делам продолжался, сколько помнится, от четырех до шести недель, но мне уже не приходилось больше мирить стороны.

* * *

Более привлекательной была следующая стадия разбирательства мелких дел. Молодой, неопытный юрист приобретал здесь по крайней мере навык в приеме жалоб и опросе свидетелей, хотя в общем его больше использовали как подсобного работника и меньше занимались его обучением.

Помещение суда и судебное производство несколько напоминали суетливую обстановку у железнодорожной кассы. Пространство, где, спиной к публике, заседа-

ли председательствующий советник и три или четыре помощника, было обнесено деревянным барьером, и перед образовавшимся таким образом четырехугольником толпились стороны, сменяя друг друга и производя то больший, то меньший шум.

Мое общее впечатление от лиц и учреждений не изменилось существенным образом с моим переходом в административное ведомство. Стремясь сократить окольный путь к дипломатической карьере, я избрал одно из рейнских управлений, а именно, аахенское; курс работы в этом управлении мог быть сокращен до двух лет, тогда как в старых прусских провинциях на это требовалось не менее трех лет.

Личный состав управления не всегда отвечал тому несколько необоснованному идеалу, который витал передо мной, когда мне было 21 год; еще менее соответствовало ему содержание текущей работы. Мне вспоминается, что при частых разногласиях между чиновниками и населением или среди каждой из этих сторон — разногласиях, полемика вокруг которых длилась годами и нагромождала груды дел — я обычно оставался под впечатлением: «да, пожалуй, можно сделать и так»; вопросы, то или иное решение которых не стоило затраченной на них бумаги, вполне могли быть разрешены одним префектом при затрате вчетверо меньшего количества труда. Если не считать низшего служебного персонала, то при всем том работа, которую в течение дня должен был выполнить чиновник, была невелика, должности же начальников отделений были чистой синекурой.

Уезжая из Аахена, я составил себе невысокое мнение о нашей бюрократии в общем и об отдельных ее представителях в частности. Переменив впоследствии государственную службу на жизнь в деревне, я в своих взаимоотношениях помещика с властями сохранил, как мне теперь представляется, очень уж отрицательное мнение о достоинствах нашей бюрократии и, пожалуй, чрезмерную склонность критиковать ее.

Склонность к нелепому вмешательству в самые разнообразные стороны жизни проявлялась при тогдашнем патриархальном режиме, быть может, сильнее, чем в наше время; но те, кто осуществлял это вмешательство, были не столь многочисленны и стояли по уровню своего образования и воспитания выше части своих теперешних приемников.

Чиновники достославного королевского правительства были честными, образованными и благовоспитанными чиновниками. Но их благожелательная деятельность не всегда встречала признание, так как сопровождалась недостаточным знакомством с местными условиями и разменивалась на мелочи, относительно которых взгляды ученого горожанина за канцелярским столом не всегда выдерживали критику простого человеческого здравого смысла крестьянина. Членам административных коллегий приходилось тогда делать *multa*, а не *multum* [много, но незначительное]. Отсутствие более высоких задач приводило к тому, что они не находили себе достаточного количества действительно нужной работы и в своем должностном рвении выходили далеко за пределы потребностей управляемых, впадая в манию регламентирования, в то, что швейцарцы называют «Befehlerle» [«повелительство»].

Если бросить для сравнения беглый взгляд в сторону современности, то придется отметить: в свое время надеялись, что после введения действующей ныне системы местного самоуправления государственные учреждения будут избавлены от излишка дел и чиновников. На самом деле получилось нечто прямо противоположное этому: количество чиновников и их загруженность делами значительно возросли в связи с увеличением переписки и возникновением трений между административными инстанциями и органами самоуправления, начиная от провинциального совета и кончая сельским общинным управлением.

Рано или поздно наступит критический момент, когда мы окажемся раздавленными под бременем писанины, а главное — низшей бюрократии.

Природе человека присуще свойство, в силу которого он, соприкасаясь с теми или другими порядками, склонен чувствовать и видеть прежде всего шипы, а не розы. Эти шипы вызывают раздражение против того, что в данное время существует. Старые правительственные чиновники, вступая в непосредственное соприкосновение с управляемым населением, проявляли педантизм и отчужденность от практической жизни благодаря своим занятиям за зеленым сукном. Но вместе с тем оставалось впечатление, что они искренно и добросовестно стремились быть справедливыми.

Этого нельзя сказать об отдельных звеньях современного местного самоуправления в тех частях страны, где партии резко противостоят друг другу; благосклонность к политическим единомышленникам и предубежденное отношение к противникам нередко препятствуют беспристрастной работе учреждений.

Сопоставляя на основании моего опыта, относящегося к тому времени и более позднему периоду, судебные решения с административными с точки зрения их беспристрастия, я не могу признать превосходство исключительно лишь за первыми, по крайней мере — не во всех случаях. У меня, наоборот, создалось впечатление, что судьи низших и местных инстанций легче и полнее поддаются сильному воздействию партийных течений, чем чиновники администрации; да и едва ли можно найти какое-либо психологическое основание к тому, чтобы при одинаковом образовании судей и чиновников последние *a priori* [заранее] должны были считаться менее справедливыми и добросовестными в своих должностных решениях, чем первые.

Но я согласен, что административные постановления отнюдь не выигрывают ни в смысле честности, ни в смысле своего соответствия существу дела от того, что

они принимаются коллегиально; независимо от того, что при решении вопроса большинством голосов арифметика и случай заступают место логического обоснования; чувство личной ответственности — эта существенная гарантия добросовестности решения — утрачивается сразу же, когда что-либо решает анонимное большинство.

**На поприще дипломатии. Крымская война.
Союз с Австрией. План раздела России. «Завещание
Петра Великого»**

Ход дел в обеих коллегиях, как в Потсдаме, так и в Аахене, не мог возбудить во мне особого рвения. Я находил порученный мне круг занятий мелочным и скучным; воспоминания о моей работе по процессам о невзносе пошлин с помола и в связи с повинностью по постройке плотины в Роцисе, близ Вустергаузена, не вызывали во мне впоследствии желания возвратиться к моей тогдашней деятельности.

Отказавшись от честолюбивой мечты о чиновничьей карьере, я охотно последовал желанию моих родителей и занялся запутанными делами управления нашими померанскими имениями. Я рассчитывал жить и умереть в деревне, преуспев на поприще сельского хозяйства и, быть может, отличившись на войне, если бы она разразилась.

В течение ряда лет я занимался обустройством померанских имений, представляя в то же время интересы наших землевладельцев. Несколько раз я бывал в Берлине, выступая в ландстаге, особенно в период бурных событий 1848 года. Мои выступления были замечены в высших кругах власти, я имел беседы с королем и его министрами. Когда прусское правительство решилось послать своего представителя в Союзный сейм, посланником при сейме был временно назначен генерал Рохов, продолжавший оставаться в то же время аккредитованным в Петер-

бурге. Одновременно в штат миссии были зачислены два советника: я и господин фон-Грунер. Перед моим назначением советником миссии его величество и министр фон-Мантейфель дали мне понять, что в ближайшем времени предполагается назначить меня посланником при сейме. Рохов должен был ввести меня в дела и подучить, но он неспособен был работать по-деловому, меня же использовал как редактора и не держал *au fait* [в курсе] политических дел.

Предшествовавшая моему назначению беседа с королем происходила следующим образом. После того как на внезапный вопрос министра Мантейфеля, согласен ли я принять пост посланника при сейме, я коротко ответил «да», король вызвал меня к себе и сказал: «Вы очень смелы, сразу же соглашаясь принять совершенно не знакомую вам должность». «Ваше величество, — ответил я, — смелость проявляете вы, вверяя мне такой пост; впрочем, ничто не обязывает ваше величество оставить в силе назначение, если я не оправдаю вашего доверия. Сам я не могу с уверенностью сказать, по силам ли мне эта задача, пока не ознакомлюсь с ней ближе. Если я найду, что не дорос до нее, то сам же первый буду ходатайствовать о моем отзывании. Я имею смелость повиноваться, коль скоро ваше величество имеете смелость повелевать». «В таком случае попытаемся», — заключил король.

11 мая 1851 года я прибыл во Франкфурт. 15 июля последовало мое назначение посланником при Союзном сейме. Хотя с Роховым обошлись очень предупредительно, он был тем не менее расстроен и выместил на мне досаду: однажды утром он выехал из Франкфурта, не предупредив меня и не сдав мне ни дел, ни документов. Узнав стороной об его отъезде, я успел как раз вовремя явиться на вокзал, чтобы выразить ему благодарность за проявленное им доброжелательное отношение ко мне.

О моей деятельности и о моих наблюдениях в Союзном сейме опубликовано так много официального и частного материала, что я мало чего могу добавить.